

Дмитрий Иващенко

Дмитрий Анатольевич Иващенко – родился в 1967 году, поэт. Детские годы прошли в Железногорске-Илимском Иркутской области. Вскоре после школы был призван в ряды Советской армии. Служил в мотострелковом полку на территории Чехословакии. Демобилизовавшись, поступил на отделение журналистики в Иркутский университет. С 1990 года в Ангарске, работает каменщиком-бетонщиком. В 2001 году пришёл на заседание ангарского ЛИТО. При поддержке Иннокентия Новокрещённых, Владимира Сазонова, Вадима Богатырёва и Любви Щедровой был направлен на традиционную конференцию «Молодость. Творчество. Современность». На областной конференции ему была присуждена 1-я премия. В 2005 году поступил на заочное отделение в Литературный институт им. М. Горького. За годы литературной учёбы вышли в иркутских издательствах два небольших сборника стихов – «На ветру» и «Встречи и разлуки». http://irkipedia.ru/content/ivashchenko_dmitriy_anato.. В 2014 году переехал во Владимир.

* * *

Как в сказке, на поляне круглой –
чего, бродяга, приунул? –
в золе ночи, на звёздных углях
печёшь картошину луны,
а после надо запереться,
как в келью, в боль свою и страх,
и, подсушив сырые берцы
у лепесткового костра,
с очередного пепелища
идти –
две тыщи лет идёшь,
и всё себе покоя ищешь,
и всё покоя не найдёшь,
как интурист и гость незванный,
без сна, без друга, без жены,
меняются, как лица, страны,
мосты по следу сожжены
от Иордана, через Волгу,
до мерзлоты колымских вех,
ты, повидавший видов столько
из-под нависших век навек,
извечный жид,
толкнувший Бога,
познавший славу и печаль,
и вечно ждёт тебя дорога –
начало всех твоих начал,
а что касасемо развязки
в рождественское тождество,
сегодня из реальной сказки
запечатлелся образ твой:

пустырь с бурьяном – не поляна,
фонарь у дома – не луна,
и кто-то там, проснувшись рано,
глядит на небо из окна
и верит звёздам над бурьяном.

* * *

Загустевшие синие сумерки.
Хлопья мокрого снега, как бред.
Ожидания лучшего умерли, –
год не помню какой, – в декабре.
Правду-матку, – с неё взятки гладки, –
и предьявы себе самому
на шестом принимаешь десятке,
как Мамонов со звуками му.
И предательства по малодушию.
И по лавочке пьяной херню.
Снег и сумерки – синие, скучные.
Дежавю, и чего-то на ню-
Упади, как бывало, под окна –
деклассированно и скорбя,
и, как пёс подзаборный, подохни,
будто не было вовсе тебя.
Будто не было, будто бы не был.
Будто не было, будто бы нет.
Будто не было белого неба,
ни любви, ни боли в ответ.
И в своих предрассветных сказаньях
оживающий гиперборей,
я смеюсь и качаюсь глазами
жёлтых полуслепых фонарей.

* * *

Мешком с камнями
я взвалил на спину
мой полвека с гаком, – будь здоров, –
и вот стою, мертвец наполовину,
одной ногою в лучшем из миров:
сажал деревья,
и детишек растил,
и возводил с фундамента дома.
Жил по-простецки.
А жилось непросто.
Об этом можно настрогать тома.
Да только кто листать их нынче будет?
Здесь не в чести стихи и старики.
Воспоминанья хрипло дышат грудью
в китойской пойме около реки.
По-русски, из традиций, скажем: с Богом!
Дома, деревья, дети – не в зачёт.
Нам влепят прочерк вместо эпилога,
и чёрный ворон сядет на плечо.
И пусть меня обсудят и осудят, –
всё на круги вернётся и пребудет,
как первый снег,
как рифма кровь-любовь.
Давай простим людей,
они ведь люди,
и так же вязнут в лучшем из миров.

* * *

Удариться о землю,
превратиться
из молодца Ивана-дурака
в испуге отлетающую птицу
и ринуться с асфальта в облака –
от бреда дней и дребедени денег,
от собственного следа на песке,
от песенки, что душу не заденет,
и от души, которая ни с кем,
от тени на плетне,
куда подальше,
куда сосед Макар шизу гонял,
из этой сказки и гнилого фарша, –
живой воды напиться у огня.

* * *

Ты в детстве лазил по заборам
да по подвалам-чердакам,
а в школе прививалась скоро
любовь к отеческим гробам,
к преданьям старины заветной,
к витиеватым письменам,

в которых русские поэты
смотрели в дуло пистолетов
и в самое врезались нам:
как буря мглою небо кроет,
как листья медь роняет клён,
и ты, Русланом и героем,
в Людмилу милую влюблён, –
но неизбывна, словно осень,
хандра, разлитая вокруг,
и вот покоя сердце просит,
и машет шапкою Машук,
прощай, невытая Россия,
одну тебя, моя, пою,
где рощи голы, море сине,
устал я жить в родном краю,
иных уж нет, а те далече,
и чем поможешь тут помочь,
и падал снег на Чёрной речке,
а в «Англетере» холод в ночь.

* * *

из Георга Тракля

Как в келье, тихо в комнатухе.
И ни гостей, и ни вестей.
Изрешетили роем мушки
оконный свод и камни стен.
Дыхание молитвы просит.
Мерцает слабая свеча.
Закатом – облачною розой –
ночь одиночества встречай.
Дни золотые на исходе
набрякли тяжестью в висках.
Тем, кто бездомен и безроден, –
не ждать, не верить, не искать.
В канале чёрном,
в море зыбком –
ни звёзд, ни гондолы, ни зги.
И детская твоя улыбка,
как боль,
терзает сны мои.

* * *

Пройдено, предано, прос-
то с молотка распродано.
Тополь же, великоросс,
тоже без флага-родины.
То ли глядит на восток,
то ли на запад топают, –
на ветродуе продрог,
капают листья с тополя.
Скорбная, как лития,

осень прошла навстречу, и –
 Господи! – это ли я,
 в шрамах, Тобою меченый.
 Так же ль терпеть-коченеть,
 так же ль корпеть-возделывать?
 Мороси серая сеть
 тянет туманы белые.
 И листопадом полёт,
 и листопад в груди звенит, –
 тополь ты мой, тополёк,
 братка один-единственный.

* * *

Постыла долгая зима!..
 Январно, word-но, и
 твои метели задарма
 барханы намели,
 на поводке коротком дни,
 ночами чифири,
 закуржавелые ресни-
 цы веток разотри,
 в твоей пустыне снеговой
 над крышами луна
 стучится мёртвой головой
 в проталину окна,
 и никого, ни для чего,
 и тяжело дышать,
 в берлоге тела моего –
 звериная душа,
 и в оконцовке наяву
 наточены ножи,
 и проходным стихом живу,
 стихом единым жив.

* * *

Мне надо холодов,
 мне надо
 стихов отцветший корнеслов,
 чтоб душу выжгло листопадом,
 а после снегом занесло, –
 вот так вот примитивно, пошло,
 банально так, но в самый раз! –
 чтоб жизнь меж будущим и прошлым,
 как рана, коркой запеклась,
 чтоб не любить,
 не быть любимым,
 чтоб не желать и не жалеть,
 глотать глюкозу и энзимы
 на переключке зим и лет,
 чтоб стало важное неважным,

чтоб было не о ком тужить,
 чтобы однажды наше-ваше
 родное стало бы чужим,
 завороти своё хлебало,
 в пустое небо погляди, –
 и чтоб в глазах не защипало,
 не защемило бы в груди.

* * *

Адажио сыграешь в ящик.
 Ну а пока что, а пока
 в себя вливаешь чай горячий
 и наблюдаешь облака,
 берёшь на мушку рифмоплетья
 аптеку, улицу, фонарь,
 с утра ворочаешь столетья,
 а к вечеру всё та же хмарь,
 и люди те же, нравы те же,
 и понимаешь, дуругон,
 так будет дондеже-дондеже,
 так есть,
 так было испокон:
 боец несказанного слова, –
 а разве мог бы быть другой, –
 горит под Курскою дугой
 и бьётся в поле Куликовом.

* * *

Я листвой называю листья,
 графоманю,
 графу маня:
 это осень окраской лисейей
 прожигает, как йод, меня,
 это дует холодный ветер,
 и в прищуренные глаза
 мне недобро прожектор светит,
 и накатывает слеза,
 это небо, что ближних ближе,
 в ночь построчно
 и днём с огнём
 губы высохшие оближет
 и закашляется дождём,
 это просто российский климат
 без Рылеева-Делоне,
 и обманут нас – не обнимут,
 канем камнем – и дела нет,
 это ты не желаешь слиться,
 и страница твоя чиста,
 и осенней окраской листьев
 прожигает насквозь листва.